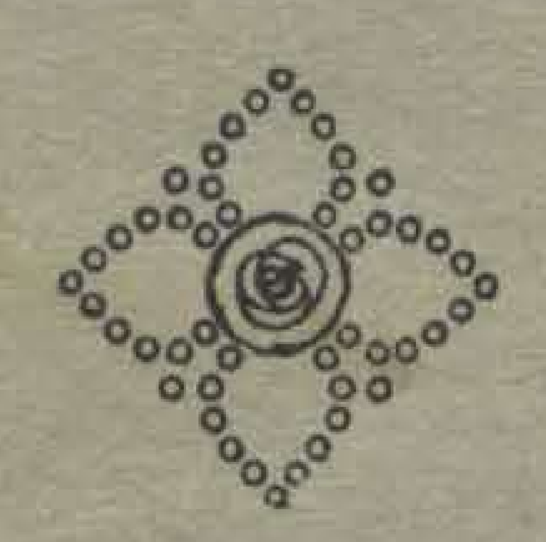
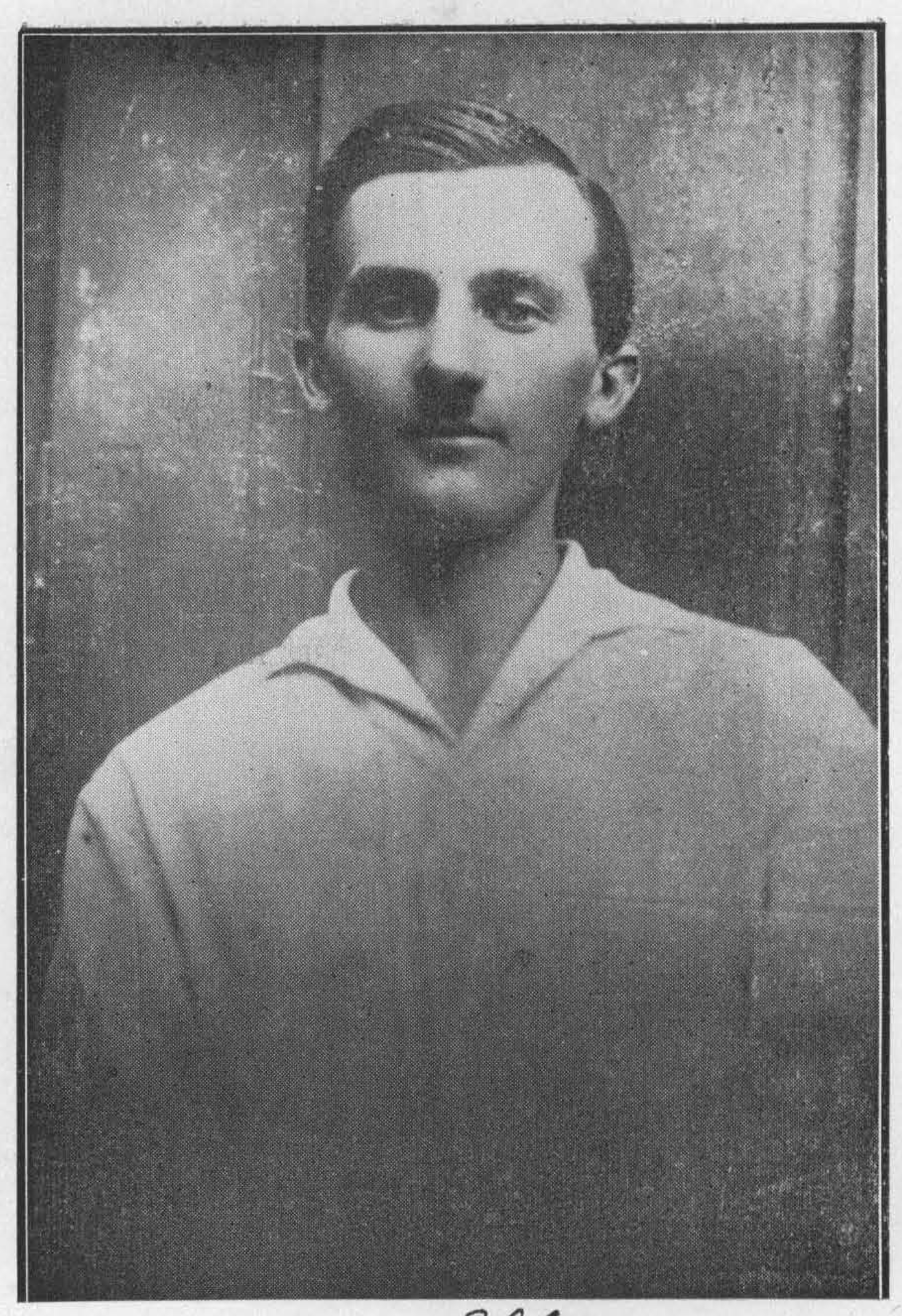
АНАТОЛІЙ ЕВРЕИНОВЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1929

АНАТОЛІЙ ЕВРЕИНОВЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1929

Типографія „Орао". Бѣлградъ, Топличинъ Венацъ 4.

ПОЭТУ — МАТЬ.

Мальчикъ мой! Цвѣтокъ, оторванный
отъ родной земли, — какъ рано унесла тебя
смерть! Только-что началъ ты пѣть свои
пѣсни, какъ птица на зарѣ, и вотъ — замолкла,
оборвалась пѣсня вмѣстѣ съ твоей юной жизнью...
Вмѣсто вѣнка на твою всѣми забытую могилу
мама твоя собрала здѣсь то, „что осталось отъ
„всѣхъ пылкихъ стремленій: лишь немного стиховъ
„и немножко печали" — для другихъ, а для меня —
слишкомъ много безутѣшнаго, неизбывнаго горя...

„Лучшія пѣсни, — пѣсни неспѣтыя,
„Тѣ, что лишь въ сердцѣ звуками тають“...

Авторъ.

*
* *

Предчувствіе шепчетъ: немного мнѣ жить,
Приближается Ночь неслышимой стопой,
Я уйду незамѣченнымъ пестрой толпой,
Утомясь по безсвѣтнымъ дорогамъ кружить...
Надо мною сейчасъ четко дятелъ стучитъ,
Что-то ищетъ онъ въ сѣрой древесной корѣ,
И, стуча, мнѣ о темной могилѣ, твердитъ,
О погасшей, плѣнительно-рдяной зарѣ.
И не знаю я: листья-ли рвутся, шурша,
Или мыслей обрывки летятъ въ темноту,
Въ леденящій покой, гдѣ застынетъ душа,
Погружаясь въ Ничто, въ Тишину, въ Пустоту...
Можетъ быть, уже Смерть поджидаетъ меня...
Я хотѣлъ-бы уйти, ничего не жалѣть,
Лишь бы знать, что не стало былого огня,
Что недолгую пѣсню успѣлъ я пропѣть...
Предчувствіе шепчетъ: немного мнѣ жить,
Приближается Ночь неслышимой стопой,
Я уйду незамѣченнымъ пестрой толпой,
Утомясь по безсвѣтнымъ дорогамъ кружить..

*
* *

Порою хочется мнѣ тайнопись прочесть
Въ потокахъ звѣздъ ночныхъ изъ свитка мірозданья,
Услышать странную, загадочную вѣсть
Въ древесныхъ шелестахъ, въ туманныхъ колыханьяхъ
Раскрыть неясныя вѣщанія сибиллъ,
Каббалистическіе знаки звѣздочета,
И четкость стройнаго движенія свѣтилъ,
И прихотливости кометнаго полета.
Хочу слова понять я въ книгѣ всѣхъ Судебъ,
Но Воля странная ихъ тайнопись скрываетъ,
И только Жизнь, — какъ старая гадалка — Тэбъ,—
Разложитъ карты мнѣ и погадаетъ...

*
* *

Мы шли къ огнямъ, и вѣтеръ вольный дулъ,
И пахло полемъ, осенью и дымомъ,
Мы шли къ огнямъ... Навстрѣчу несся гулъ
И чѣмъ-то жегъ, томилъ неизъяснимымъ...
И смутно звалъ далекій кругъ огней,
И страсть насъ жгла, не знавшая исхода:
Она была и въ запахѣ полей,
Въ лучахъ луны и въ блескѣ небосвода...
Мы шли къ огнямъ, навстрѣчу вѣтеръ дулъ,
Ты помнишь жгучесть этого мгновенья?
И рядъ огней, и смутный, дальній гулъ,
И невозможность ласки и забвенья!...

ПАУТИНКИ.

Пряжи тонкой вьются нити —
Дней, явленій и событій,
Ихъ прядетъ Судьба паукъ.
Рвется, ткется нить живая,
Поднимаясь, ниспадая,
Сѣтка Жизни кружевная,
— Это легкій, зыбкій кругъ.
Но покрылъ налетъ пылинокъ,
Сѣть тончайшихъ паутинокъ,
И безцвѣтенъ весь узоръ;
Чтобъ рисунокъ серебристый
Засверкалъ, блеснулъ искристо —
Нуженъ Солнца взоръ лучистый,
Проскользнувшій изъ-за горъ...
И тогда переливаясь,
Поднимаясь, опускаясь,
Весь узоръ заблещетъ вновь:
Ибо Жизни дарятъ краски,
— Пѣсни, радости и сказки —
Только Солнце и любовь!...

БУДЕТЪ ДЕНЬ.

Будетъ день, когда небо покажется блѣднымъ,
И осеннія тучи будутъ низко стелиться,
Когда все въ этой жизни станетъ жалкимъ и бѣд-
нымъ,
И горячее Солнце догоритъ и затмится.

И съ холодной улыбкой оглянусь я на горе,
На мгновенія счастья, на моменты успѣха,
И на штиль, и на бури въ темномъ жизненномъ
морѣ,
И мнѣ будетъ печально и совсѣмъ не до смѣха...

А когда я дойду до послѣдней ступени
И шагну въ сумракъ Ночи, вѣчной Ночи Покоя,
Тамъ, за гранью, растаетъ силуэтъ моей тѣни,
И мгновенно въ сознаньи все исчезнетъ земное.

Въ этотъ мигъ неизбѣжный не будетъ сомнѣній...
Но предъ тѣмъ, какъ уйти въ безпредѣльныя дали,
Вспомню я, что осталось отъ пылкихъ стремленій..
— Лишь немного стиховъ и немножко печали...

*
* *

Тамъ, средь солнечныхъ дорогъ,
Въ лонѣ пажити безбрежной,
Тихо ходитъ свѣтлый Богъ,
Пахарь зоркій и прилежный.
Вкругъ Него — лазурь легка,
Вся пронизана лучами,
Вѣтеръ гонитъ облака
Тонкорунными стадами..!
А когда кускомъ парчи
Часъ закатный выткетъ небо,
Въ складкахъ алой епанчи
Богъ несетъ колосья хлѣба,
Чтобъ потомъ, весеннимъ днемъ,
Изъ колосьевъ вынувъ зерна,
На-земь бросить ихъ съ дождемъ,
Принесеннымъ тучей черной...
Чтобъ изъ зеренъ тѣхъ посѣвовъ
Колосъ выросталъ красивый,
Ярко, солнечно созрѣвъ
Средь земной, безплодной нивы...
Эти зерна — даръ Творца
Всѣмъ влюбленнымъ и поэтамъ,
Наполняющимъ сердца
Солнца радостнымъ отсвѣтомъ...
Изъ алмазовъ ихъ сердецъ,
Изъ ликующихъ напѣвовъ
Сниметъ жатву мудрый Жнецъ —
Зерна будущихъ посѣвовъ...

ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ поетъ на прощаніе
Свой покаянный псаломъ,
Слышу глухое шуршаніе
Крыльевъ его за окномъ.

Смутны далекія пастбища,
Хмурится весь небосклонъ,
Смутно, обрывками, съ кладбища
Вѣтеръ несетъ перезвонъ...

Вѣтеръ! Товарищъ въ скитаніяхъ,
Братъ мой крылатый! Снеси
Тихую ласку прощанія
Въ степи далекой Руси!...

Тамъ тебя встрѣтитъ съ поклонами
Вольный кочевникъ -- ковыль,
Ты понесешь перегонами
Вдаль золотистую пыль...

Тамъ васильки синеокіе
Дремлютъ вдоль рыхлой межи,
Волны гуляютъ широкія
Въ золотѣ зрѣющей ржи...

Степи, пространства озерныя,
Вѣтеръ, ты всѣ облетишь,
Дунешь въ ущелія горныя,
Тронешь заснувшій камышъ...

Братъ мой, мы оба бездомные,
Только твой жребій иной:
Крылья незримо огромныя
Носятъ тебя надъ землей...

Крылья... Мечтѣ обезкрыленной
Если-бъ ихъ снова вернуть,
Если-бъ душѣ обезсиленной
Новыя силы вдохнуть!...

Если-бъ, какъ вѣтеръ порхающій,
Выпить степной ароматъ,
Съ Родины дальней, страдающей,
Снять окровавленный платъ!...

Братъ мой, хотя-бъ изъ участія,
Ты, возвращаясь съ Руси,
Запахъ полей, какъ причастіе,
Сыну ея принеси!...

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНІЕ.

Холодокъ осенней легкой дрожи
Охватилъ меня своей волной,
Шепчетъ паркъ угрюмѣе и строже
Пожелтѣлой, мертвенной листвой.

*

Ржавыхъ листьевъ, сжавшихся печально,
Вороха въ аллеяхъ нанесло,
Запахъ Смерти острый и прощальный
Вѣетъ въ душу вкрадчиво и зло...

*

И въ душѣ осенняя тоскливость,
Грустно мнѣ среди пустыхъ аллей,
Только парка мертвая красивость
Мнѣ теперь и ближе и роднѣй...

*

И душа не хочетъ пробужденья:
Призракъ счастья слишкомъ истомилъ,
Слишкомъ больно видѣть охлажденье
Въ сердцѣ той, кого я такъ любилъ...

* * *

Въ пустынѣ будней дни за днями
Идутъ, какъ длинный караванъ,
И жизни тусклыми путями
Ползетъ удушливый туманъ.

Глухая мгла... Нигдѣ ни звука,
Царитъ томительный покой,
И предстоящая разлука,
Какъ тѣнь, повисла надо мной...

Я знаю самъ, что кругъ сталъ тѣсенъ,
Что слишкомъ тягостенъ туманъ,
И я пойду для новыхъ пѣсенъ
Искать себѣ другой обманъ.

Но я предчувствую, что въ новомъ
Былое ближе будетъ мнѣ,
И тѣни въ сумракѣ лиловомъ
Зашепчутъ снова о Веснѣ...

И вспомню я, въ ночи томимый,
Взглянувъ на новый серпъ луны,
О зо̀ряхъ грустныхъ, но любимыхъ
Своей безкрасочной весны...

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ Божьемъ храмѣ отсчитаетъ сторожъ-Время
звѣздный часъ,
Небо, колоколъ лазурный, прозвенитъ двѣнадцать
разъ.
И съ двѣнадцатымъ ударомъ тихій шорохъ проле-
титъ
На погостѣ средь замшенныхъ полувывѣтренныхъ
плитъ.
Робко выйдетъ, озираясь тихій карликъ —
Старый Годъ,
И вздыхая и хромая по погосту побредетъ.
Онъ въ плащѣ; бородка клиномъ, въ бѣломъ
инеѣ сѣдинъ,
Уголки у глазъ усталыхъ въ мелкихъ лучи-
кахъ морщинъ...

Все, что прожито, что было, что сплели двѣнад-
цать лунъ,
Спрячетъ въ ветхую котомку старый маленькій
горбунъ;
Счастье, горе, боль, надежды, радость грезъ и го-
речь слезъ, —
Все, что годъ назадъ ребенкомъ онъ для міра въ
ней принесъ...

Карликъ станетъ, усмѣхнется, поглядитъ по
сторонамъ:
Блѣдный мѣсяцъ что-то шепчетъ чутко спящимъ мертвецамъ;
Звѣзды яркія, украсивъ въ Божьемъ храмѣ
синій сводъ,
Улыбаясь наблюдаютъ тихій ангеловъ полетъ,

Чу!... Шуршанье... Сторожъ Время пріоткрыло гдѣ-
то дверь...
Старый Карликъ, ты ненуженъ, ты навѣкъ уйдешь
теперь!
Новый, свѣтлый, перешедшій всѣ пространства, всѣ
міры,
Новый Годъ, крылатый мальчикъ намъ несетъ свои
дары...

Мѣсяцъ, тонко усмѣхаясь, наблюдаетъ съ вы-
соты,
Повздыхалъ горбунъ съ котомкой у заросшей
мхомъ плиты;
Приподнялъ ее, нагнулся: глянулъ въ очи
бездны мракъ,
Старый карликъ оглянулся и рукою подалъ
знакъ.
Знакъ прощальный далъ собрату и, улыбку
затая,
Вдругъ шагнулъ безстрашно въ вѣчность, въ
черный міръ Небытія.

СОНЕТЫ ВЕЧЕРНИХЪ ЗОРЬ.

I.

Уходитъ солнце. Въ золотѣ заката
Разлита скорбь негрѣющихъ лучей,
Вся даль лиловымъ сумракомъ объята,
И день затихъ, какъ дремлющій ручей.

*

И въ этотъ часъ съ волнами аромата,
Когда рѣка въ тиши поетъ звончѣй,
Мнѣ стало жаль, что канулъ безъ возврата
Лучистый день въ безсвѣтный мракъ ночей...

*

И я все ждалъ, что тамъ въ дали незримой
Тѣней вечернихъ,—вспыхнетъ день опять,
И снова я тогда смогу мечтать.

*

О яркой Славѣ, ввѣкъ неизгладимой..
... Но сумракъ спитъ... Молчанія печать
Лежитъ на всемъ тоской неотвратимой...

II.

Стихаетъ все. Въ синѣющемъ просторѣ,
Какъ кружева, узорны облака,
Зарозовѣвшіе въ багряно-желтомъ морѣ,
Какъ лепестки раскрытаго цвѣтка.

*

И такъ пройдутъ года еще, вѣка,
Все такъ же желты будутъ эти зори,
И скорбь все такъ же будетъ глубока
Въ нѣмой листвѣ, въ прощальномъ солнца
взорѣ...

*

Я умереть хотѣлъ бы въ тишинѣ
Вечернихъ зорь, съ улыбкою безстрастной,
И, умирая, знать, что желто-красной

*

Зарею вспыхнетъ Вѣчность въ вышинѣ,
И что Любовь и Слава будутъ мнѣ
Ужъ не мечтой, а правдою прекрасной...

РАВНОДУШІЕ.

(*Изъ Јов. Дучића съ сербскаго*).

Въ часъ ночной, загадки полной, въ часъ тоски
сухой, безмолвной,
Когда все оцѣпенѣетъ, всѣхъ овѣетъ тишь и мгла
На высокой колокольнѣ, гдѣ лишь дуетъ вѣтеръ
вольный,
Гдѣ колеблятся невольно и дрожатъ колокола, —
Силуэтъ замѣтенъ темный воплощенья бога Зла,—
Мефистофель въ плащѣ увитый тамъ сидитъ, какъ
тѣнь орла, —
— Символъ Гордости и Зла...
И съ улыбкою застывшей смотритъ въ мракъ онъ,
все покрывшій,
На огромный мрачный городъ, городъ тихій въ
мертвомъ снѣ,
На готическія крыши съ ихъ стремленьемъ вѣч-
нымъ — выше,
На дворцы, колонны, ниши, чуть замѣтныя въ
стѣнѣ
Многобашеннаго замка, недоступнаго извнѣ,
Зачарованнаго ночью въ ледяномъ, тяжеломъ снѣ,
Въ этой мертвой тишинѣ...
Этой ночью злой, морозной, Мефистофель блѣд-
ный, грозный,
Притаясь, сидитъ высоко средь большихъ колоко-
ловъ,

И такимъ же точно взглядомъ вдоль скользитъ
онъ по оградамъ,
По узорнымъ колоннадамъ пышныхъ мраморныхъ
дворцовъ,
Какъ смотрѣлъ онъ въ дни былые на таинствен-
ный покровъ,
Въ часъ послѣднiй Вавилона, Ѳивъ, погибшихъ
средь садовъ,
Въ часъ предсмертныхъ, тихихъ сновъ...
Что проснулось въ немъ? И въ чемъ онъ будто
самъ разочарованъ?
Что въ стальныхъ глазахъ сверкаетъ, таетъ, таетъ,
словно дымъ?
Вспомнилъ-ли, какъ херувимомъ, духомъ добрымъ
и незримымъ,
Онъ парилъ недостижимый всѣмъ томленiямъ зем-
нымъ?
Что жалѣетъ онъ? Быть можетъ, занятъ новымъ
планомъ злымъ?
Вновь-ли жаждетъ Разрушенья, превратить все въ
прахъ и дымъ —
— Этотъ бывшiй херувимъ?...
... Нѣтъ! Сидитъ онъ злой и вялый, въ плащъ за-
кутавшись свой алый,
На высокой колокольнѣ у нѣмыхъ колоколовъ,
И въ груди его застывшей нѣтъ ни ненависти
бывшей,
Ни любви, давно погибшей, къ Архитектору Мiровъ,

Въ честь Котораго несется мѣдный звонъ колоколовъ,
Дымъ священный изъ кадильницъ, пѣнье тихое псалмовъ,
Каждый день со всѣхъ концовъ...
Мефистофель тихъ и мраченъ, новымъ чувствомъ онъ охваченъ,
Чувствомъ Богу непонятнымъ, неизвѣстнымъ Сатанѣ, —
Онъ позналъ людскую муку: Равнодушіе и Скуку,
Человѣческую Скуку, что не гибнетъ и въ огнѣ,
Не сгораетъ въ знойномъ солнцѣ, непокорное веснѣ,
Это чувство, эта тяжесть зародилась въ Сатанѣ
Ночью темной въ вышинѣ...
Рѣзче виденъ тонкій профиль тамъ, гдѣ скрытый Мефистофель,
Равнодушный и холодный, замеръ грозный и нѣмой;
Не сводя стального взора съ кафедральнаго собора
И съ чернѣющаго бора тамъ, за замковой стѣной,
Онъ сидитъ. А тихій городъ, также мрачный и нѣмой,
Равнодушно смотритъ въ небо, въ черный сумракъ ледяной
Этой ночи гробовой...

НОЧЬ.

Небо черно, какъ чернила,
Словно крылья вѣщей птицы,
Ночь глаза совсѣмъ закрыла,
Крѣпко сжавъ свои рѣсницы.

Въ двухъ шагахъ уже не видно,
Гдѣ иду я, — непонятно,
Спотыкаюсь: мнѣ обидно,
И браню я ночь невнятно.

И мнѣ кажется, что Ночью
Завладѣлъ колдунъ безбожный,
Онъ унесъ ее къ урочью,
Самъ же вылѣзъ осторожно,

Помахалъ слегка руками,
Снялъ онъ съ неба всѣ свѣтила.
Сѣлъ на облако съ ногами
И на все пролилъ чернила...

Я иду. Куда? — Не знаю,
Ночь чернилами залита,
Нѣтъ пути конца и краю,
Колдуномъ дорога скрыта.

МОЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ Војислава Илића младш. съ сербскаго).

Въ сумракѣ ночи уходитъ звѣзда —
Это жизнь погасаетъ съ лучами,
Среди кручъ узкій путь мой всегда
Въ иглахъ терній, сплетенныхъ съ цвѣтами.

Я нарвалъ себѣ много цвѣтовъ,
Увядающихъ, нѣжно-пахучихъ,
Отвердѣли ступни отъ шиповъ,
— Крови нѣтъ отъ уколовъ ихъ жгучихъ.

Иногда лишь подъ тяжкимъ крестомъ,
Когда тѣло устало согнется,
На дорогу во мракѣ ночномъ
— Кровь изъ сердца по капелькамъ льется...

Но тѣ капли, червоннѣе розъ,
Я въ аккорды души превращаю,
Жизнь несетъ столько муки и слезъ,
— Я же пѣснями ей отвѣчаю...

СНЫ ХРИЗАНТЕМЪ.

Стылою ночью, ночью печали
Въ сны погрузились вы, хризантемы,
Тихо на клумбахъ вы засыпали
Въ часъ, когда души холодно-нѣмы...

Поздніе гостьи, вы не забыли
Родины дальней нѣжныя ласки,
Въ чуждую землю васъ посадили,
Васъ, потерявшихъ яркость окраски.

Вы онѣмѣли... Молча, смирились...
Вы въ этомъ блѣдномъ, лунномъ сіяньи
Родинѣ дальней тайно молились,
Грезили Солнцемъ въ ночи молчанья...

Съ запахомъ смерти вы отцвѣтете,
Здѣсь ваши души холодно-нѣмы,
Такъ же, какъ я, только снами живете,
Грезите Родиной вы, хризантемы!...

НОЧЬ ВЪ МОСКВѢ.

Бульвары тихи и пустынны,
Въ деревьяхъ мгла и синева,
Громадой смутной и старинной
Чернѣетъ спящая Москва...
И только въ улицы пустыя
Витрины мертвый отблескъ льютъ,
Да иногда лишь часовые,
Гремя оружіемъ, пройдутъ.
Густѣетъ мракъ туманно-синій,
Тверской бульваръ безмолвно спитъ,
И кто-то въ темной пелеринѣ
Тамъ подъ деревьями стоитъ.
Въ тѣни, скрываясь у ограды,
Смотря сквозь призрачный покровъ,
Онъ видитъ черныя громады
Церквей старинныхъ и домовъ...
Онъ вспоминаетъ съ отвращеньемъ
Свой юбилей и торжества,
Ему противны восхваленья
И эта новая Москва...
Его вожди кабацкой голи
Въ бездарныхъ славили стихахъ,
Ему противно: складка боли
Змѣится въ стиснутыхъ губахъ...
Безмолвна ночь... Во мглѣ маячитъ
Патруль на сумрачной Тверской,
И гордый Пушкинъ тихо плачетъ
Одинъ на площади Страстной...

СТИХИ О ЦАРЕВНѢ.

I.

Суждено намъ, быть можетъ, немногимъ
Возвратиться въ родныя поля,
Поклониться суровымъ и строгимъ, —
Старымъ башнямъ сѣдого Кремля...

Оттого насъ такъ часто тревожитъ
Злымъ предчувствіемъ дума о томъ,
Что придется, придется, быть можетъ,
На чужбинѣ выстраивать домъ...

Безъ надежды домой возвратиться
Къ темнымъ церковкамъ старой Москвы,
Безъ надежды въ мечты погрузиться
У суровыхъ гранитовъ Невы...

Можетъ быть, никогдя не увидѣть
Намъ раздолія Русскихъ степей...
Но... Царевна, клялись ненавидѣть
Мы жестокихъ Твоихъ палачей!..

Знай, что клятвы своей не забудемъ
Въ тайникахъ многогранныхъ сердецъ
Мы вѣрны Тебѣ, Скорбной, пребудемъ,
Чтя Твой темный терновый вѣнецъ...

И суровой дорогой, безмѣрной,
Среди ночи глухой и средь дня
Мы пойдемъ, неизмѣнно и вѣрно
Твое Имя святое храня...

II.

Онъ придетъ въ предназначенный день
Изъ-за дальнихъ, лазурныхъ морей
Къ синеватымъ дымкамъ деревень,
Позабытыхъ средь скудныхъ полей...

Будутъ свѣтлыя латы на немъ,
Ерихонка съ насѣчкой стальной,
Щитъ узорный съ двуглавымъ орломъ,
У сѣдла — шестоперъ золотой...

И, услышавъ далекій твой зовъ,
Тронетъ шпорой Царевичъ Коня
И войдетъ въ глубь суровыхъ лѣсовъ,
Вороненый бердышъ наклоня...

А за нимъ въ зачарованный кругъ
Длинной лентой станетъ въѣзжать,
Заблестѣвъ чешуею кольчугъ,
Крестоносная бѣлая рать ..

Заблеститъ Мономаховъ вѣнецъ
Въ золотистыхъ Твоихъ волосахъ,
Когда цѣпи изъ тяжкихъ колецъ,
Зазвенѣвъ, распадутся во прахъ...

. . . .

И, увидѣвъ вдали Твой разсвѣтъ,
Не измѣнникъ, но плѣнникъ Судьбы —
Я пойму, что возврата мнѣ нѣтъ,
Что безсильны и плачъ, и мольбы...

Ибо въ тѣсныхъ желѣзныхъ рядахъ,
Мечъ поднявшихъ во имя Твое,
Я не ѣхалъ, сжимая въ рукахъ
Боевое стальное копье...

И тогда, въ смертной мукѣ дрожа,
Я пойму, что себя погубилъ,
Что чужой Королевнѣ служа, —
Я тебя лишь, Царевна, любилъ!..

III.

По ночамъ потаеннымъ ходомъ
Ты уходишь въ подземный храмъ,
Съ почернѣлымъ, стариннымъ сводомъ,
Съ зеленѣющимъ мхомъ по угламъ.
И, склонясь на холодныя плиты,
О спасеніи молишь Христа,
Пряча ликъ свой, слезами залитый,
На полу, у подножья креста...
... Желты копья зажженныхъ свѣчекъ...
Тишина... Трехсотлѣтній сонъ...
Точно въ кружевѣ дымныхъ колечекъ
Потускнѣвшіе нимбы иконъ...
Чародѣямъ невѣдома тайна,
Недоступенъ Твой храмъ подъ землей,
Хотя воля ихъ злая безкрайна,
И дана имъ власть надъ Тобой...
Хоть въ дыму колдовскихъ воскресеній,
Въ вѣщемъ кругѣ Твое бытіе,
Охранятъ Тебя свѣтлыя тѣни
Убіенныхъ во имя Твое...
... Ты — святая, Ты — всѣхъ безгрѣшнѣй,
Хоть познала и грѣхъ и стыдъ,
Но въ глазахъ у Тебя, нездѣшнихъ,
Неземная тоска сквозитъ...
Ты рыдаешь, Царевна? Тише!...
Копья желтыхъ свѣчей горятъ,
Образа... колоннады... ниши
Трехсотлѣтніе сны таятъ...

ГАМАЮНЪ, ПТИЦА ВѢЩАЯ.

Прихотливо скользнулъ лунный свѣтъ
По чешуйчатой ряби озерной,
И какой-то мелькнулъ силуэтъ
Вдоль просѣки угрюмой и черной.

Лѣсъ вздохнулъ, и опять всюду тишь,
И блестящее озеро сонно,
Что-то шепчетъ прибрежный камышъ,
Кто-то плачетъ безъ словъ, потаенно...

Черный теремъ, какъ филинъ угрюмъ,
Свѣтъ съ трудомъ проникаетъ въ свѣтелку,
Сколько слезъ, сколько горестныхъ думъ
Похоронено здѣсь втихомолку!...

И царевна опять у окна
Смотритъ въ лунную призрачность ночи,
Но царевна худа и блѣдна,
И померкли лазурныя очи...

— „Что шуршитъ тамъ въ неясной дали?
„Что за тѣнь мнѣ легла на рѣсницы?
„Гамаюнъ, это крылья твои!
„Это ты, моя вѣщая птица?!

— „О, скажи, гдѣ заморская рать?
„Гдѣ мой свѣтлый Царевичъ-Отрада?
„Передай, что не въ силахъ я ждать,
„Палачамъ не знакома пощада..,

— „Передай мой послѣдній завѣтъ,
„Объ отмщеньи завѣтъ мой великій...
„Поспѣши, Гамаюнъ, близокъ свѣтъ,
„Слышишь птицъ предразсвѣтные клики?“...
. . . .

Крылья мягко разрѣзали тишь
Лунной ночи, и въ сумеркахъ сонныхъ
Лишь сильнѣй зашептался камышъ
О своемъ, вѣковомъ, потаенномъ...

ПОДВОДНЫЕ КОЛОКОЛА.

Въ листвѣ лѣсной, узорной
Съ багрянцемъ золотымъ —
Укрылся теремъ черный
Надъ озеромъ лѣснымъ.

Лучи косые солнца,
Прорвавъ лѣсной шатеръ,
Рисуютъ на оконцахъ
Причудливый узоръ.

И мрачная свѣтлица
На мигъ озарена,
Царевна, точно птица,
Въ нее заключена.

И слышен ей завѣтный,
Далекій, мѣрный звонъ
Сквозь стекла разноцвѣтныхъ
Косящатыхъ оконъ...

Протяжно, заунывно
Поютъ колокола,
Въ печали неизбывной
Царевна замерла.

А городъ, погруженный
Въ глубины съ давнихъ поръ,
Царевнѣ заключенной
Гудитъ со дна озеръ.

Въ могучихъ переливахъ,
Звенящихъ, какъ прибой,
Какіе-то призывы
Ей слышатся порой...

Какъ будто призываетъ
Къ возстанью на враговъ
Серебряная стая
Литыхъ колоколовъ...

Такъ гулко и напѣвно
Подводный градъ гудитъ,
— „Мы бодрствуемъ, Царевна“, —
Какъ будто говоритъ:

— „Мы бодрствуемъ, Царевна“,
Поетъ подводный градъ,
„По всей Россіи гнѣвно
„Звучитъ уже набатъ.

Зажавъ до боли четки,
Царевна смотритъ въ даль,
И взглядъ туманитъ кроткій
Глубокая печаль.

А красный лучъ заката
Зажегъ узоръ окна,
И отзвуки набата
Доносятся со дна...

ГЛАДІАТОРЫ.

»Мы всѣ morituri,
»Мы всѣ обреченные«.
(Тиняковъ).
»Ave, Caesar, morituri te salutant!...«

Мы — дѣти осужденныхъ поколѣній,
Мы — дѣти самыхъ тягостныхъ временъ,
И мы идемъ, несемъ впередъ, какъ тѣни,
Клочки завѣщанныхъ знаменъ...
И въ заревѣ дымящихся развалинъ
Упадочнаго вѣка мы — одни,
Нашъ путь среди пожарищъ такъ печаленъ,
Намъ не горятъ вдали огни...
И мы, какъ гладіаторы въ доспѣхахъ,
Какъ обреченные на смерть и на позоръ,
Арену обходя при взрывѣ смѣха,
Не опускаемъ темный взоръ...
Привѣтствуя словами обреченныхъ,
Предъ ложами, гдѣ зрители сидятъ,
Толпою сумрачной и непреклонной
Проходимъ мы, — за рядомъ рядъ...
Мы знаемъ, что падемъ до новой эры,
Падемъ на рубежахъ иныхъ временъ,
Не измѣнивъ завѣтамъ прежней вѣры,
И не предавъ своихъ знаменъ...
Какъ гладіаторы, погибнемъ мы безъ стона,
Мы, отвергающіе чуждую намъ новь,
И послѣ насъ, глумясь порветъ знамена
Толпа, топча ихъ въ нашу кровь...

ЦЕЗАРЬ ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО.

»Qua aetate Alexander universum fere orbem terrarum expugnavit, ea ego prorsus nihil egis«.

Плакалъ Юлій Цезарь, завистью томимый,
Въ храмѣ у подножья статуи Царя,
Молодой скиталецъ, Суллою гонимый,
Онъ богамъ молился, страстно говоря: —
„Сколько Александръ дѣлъ великихъ, славныхъ
„Въ молодости ранней смѣло совершилъ!
„Нѣтъ владыкъ вселенной въ славѣ ему равныхъ,
„Истинно Великимъ только онъ и былъ!
„Дайте мнѣ, о боги, мощь его и волю,
„Власть его и славу до конца вѣковъ!
„Такъ, какъ проситъ влаги вспаханное поле,
„Такъ хочу я славы, блеска и вѣнковъ!“
И замолкнулъ Цезарь, плача, какъ ребенокъ,
А надъ нимъ смѣялась статуя Царя: —
„Будешь ты Великимъ, маленькій орленокъ,
„Будь же смѣлъ и дѣйствуй, вѣря лишь въ себя!“

СЧАСТЬЕ.

Оно стучитъ къ намъ въ двери, въ окна,
И тихо шепчетъ: „отвори“, —
А мы молчимъ, и тучъ волокна
Скрываютъ золото зари...

Оно стучится, призываетъ:
— „Открой, познай меня, повѣрь“...
Но страхъ безумный насъ сжимаетъ,
И мы открыть не смѣемъ дверь...

Оно намъ шепчетъ, умоляя:
— „Возьми цвѣты, взгляни въ окно“, —
А мы дрожимъ, молчимъ, не зная,
Принять-ли то, что дастъ Оно...

Когда-жъ тоска намъ сердце тронетъ,
И дверь мы настежь распахнемъ, —
Призывъ нашъ въ сумракѣ потонетъ
Печальнымъ эхомъ за холмомъ...

ЛАСКА СЛОВЪ,

Страсть пьянитъ, волнуютъ сновидѣнья,
Но острѣй и слаще пестрыхъ сновъ,
Горячѣе вихря наслажденья —
Обжигаетъ сердце ласка словъ...
Ласка словъ, томящая до боли,
Ранитъ сердце нѣжностью своей,
Сердце пьетъ безъ удержу, безъ воли
Сладкій ядъ ласкающихъ рѣчей.
Какъ цвѣты, какъ пьяный вѣтеръ мая,
Вѣя страстью въ сумракѣ ночномъ,
Ласка словъ, съ любимыхъ устъ слетая,
Ранитъ сердце ядомъ и огнемъ...

*
* *

Лучшія пѣсни, — пѣсни неспѣтыя,
Тѣ, что лишь въ сердцѣ звуками таютъ.
Лучшія розы, въ пурпуръ одѣтыя,
Тѣ, что на грани лѣта сверкаютъ.
Лучшія грезы — неуловимыя,
Сны о далекомъ, о небываломъ,
Лучшія слезы — слезы незримыя
Взору чужому — въ сердцѣ усталомъ...
Лучшія скорби, — скорби изжитыя,
Тѣ, что приводятъ сердце къ покою,
Лучшее счастье, — счастье разбитое
Въ прихоти странной — нашей рукою...

ПѢСНИ РАННЕЙ ОСЕНИ.

„Здравствуйте, дни голубые, осенніе"..
В. Брюсовъ.

Ранняя осень, — горечь и сладость,
Солнца нежгучаго снопъ золотой,
Въ сердцѣ молчащемъ — тихая радость,
Искры насмѣшки надъ прежней мечтой.
Всюду отсвѣты блѣдныхъ улыбокъ
Солнца, струящаго золото внизъ,
Воздухъ кристаленъ, воздухъ—такъ зыбокъ,
Тайно волнуетъ какой-то капризъ.

Красокъ такъ много, только не яркихъ,
Лѣто уноситъ и яркость и зной,
Ранняя осень, — золото въ паркѣ,
Въ сердцѣ замолкнувшемъ—тишь и покой.
Смерть и Безсмертье—Вѣчныя Сестры...
Смертныя тѣни въ цвѣтахъ залегли,
Вздохъ увяданья горькій и острый
Въ воздухѣ таетъ, поднявшись съ земли.

*
* *

Такъ красиво слѣдить отраженія звѣздъ
Въ очарованной глади недвижной воды,
Такъ красивъ Млечный Путь, — это къ Вѣчности
мостъ,
— Это призрачный путь отъ звѣзды до звѣзды.

Вотъ таинственный Марсъ, какъ кровавый ру-
бинъ,
Отъ него на водѣ — алый лучикъ дрожитъ,
Я смотрю на него, — я душою одинъ,
Но ласкающій смѣхъ здѣсь, такъ близко, звенитъ...

Я не знаю ее... Мы случайно сошлись,
Такъ... случайность... Судьба... тихій вечеръ...
блескъ звѣздъ...
Разговоръ о стихахъ... и мечты вдругъ зажглись,
И сильнѣй засіялъ въ небѣ Вѣчности мостъ...

Серебромъ отливается водная гладь,
Въ незнакомыхъ глазахъ — синій отблескъ зар-
ницъ,
Я капризно хочу разглядѣть, разгадать,
Что тамъ скрыто — въ тѣни шелковистыхъ рѣс-
ницъ,

Я капризно хочу... Я упорно ищу...
Звѣздной розсыпи блескъ на водѣ задрожалъ...
О, я знаю: я завтра себѣ не прощу,
Что въ глазахъ незнакомыхъ отвѣта искалъ...

ВѢТЕРЪ.

Въ осенніе рога печально вѣтеръ трубитъ,
И сталъ особенно хрусталенъ небосводъ,
И только сердце, сердце любитъ,
И по-весеннему поетъ...

*

Въ просвѣты зелени, мѣстами ужъ багряной,
Свѣтло раскрашенной въ осенніе тона, —
Вливаетъ Солнце кубокъ пьяный
Искристо-желтаго вина.

*

И въ сердцѣ лѣтнія звучатъ еще свирѣли,
Но звуки рога падаютъ звончѣй...
Осеннихъ гуслей плачутъ трели
Во мракѣ вѣтренныхъ ночей...

*

А лютня звонкая о счастьи тихомъ проситъ:
Ей пѣсня солнечная слишкомъ дорога,
Но вѣтеръ, вѣя, все уноситъ,
Трубя въ осенніе рога...

МЕТЕОРЫ.

Летятъ метеоры-скитальцы
От міра къ мірамъ въ тихій часъ,
И нѣжно, какъ дѣвичьи пальцы,
Лучи ихъ касаются насъ...

Они переходятъ границы
Нездѣшнихъ, надзвѣздныхъ міровъ,
Летятъ, точно вѣщія птицы,
Въ туманы плывущихъ вѣковъ...

Проходятъ, уходятъ въ провалы,
Во тьму, устремляясь къ мечтѣ,
За грани Конца и Начала,
Къ послѣдней и первой чертѣ...

Все ищутъ, и все не находятъ,
Блѣднѣютъ и гаснутъ въ ночи,
А въ душу къ намъ тайно нисходятъ
Стремленій безумныхъ лучи...

Мы всѣ — метеоры-скитальцы,
Мы жаждемъ послѣднихъ границъ,
И нѣжатъ, какъ дѣвичьи пальцы,
Насъ отблески дальнихъ зарницъ...

ПРИЗЫВЫ ВѢТРА.

Горячій воздухъ и вѣтеръ южный
Полны дыханьемъ весеннихъ травъ,
Всѣ тѣни блѣдны, во мглѣ жемчужной
Сіяетъ Солнце, какъ бы уставъ.
Горячій вѣтеръ уноситъ холодъ,
Тоску и тяжесть зимы нѣмой,
И шепчетъ знойно: — „И ты вѣдь молодъ,
„Не будь же мертвымъ, нарушь покой!
„Смотри, какъ рвутся цвѣты и травы
„Изъ злыхъ объятій и сновъ зимы!
„Мы ищемъ счастья, и всѣ мы правы,
„Возьми же счастье и будь, какъ мы!
„Стремленье къ Солнцу—нашъ путь единый,
„И я, и травы, и всѣ цвѣты
„Не любимъ холодъ и сумракъ синій,
„Не будь же мертвымъ, гори и ты!...“
Нѣтъ, я не вѣрю цвѣтамъ и травамъ
И пѣснямъ вѣтра; я знаю самъ:
Нельзя имъ вѣрить,—мечтамъ лукавымъ;
Не дамъ я сердце, себя не дамъ!...
Въ моемъ покоѣ такъ много счастья,
Довольно было ненужныхъ бурь,
Зима умчалась, прошло несчастье,
Не смогутъ тучи затмить лазурь!...

* * *

Въ сумерки мутныя образы смутные
Нѣжно прядутъ
Пряжу старинную, пряжу картинную
Прежнихъ минутъ...
Запахи пряные, шепоты пьяные
Травъ полевыхъ,
Губы любимыя, — сны несравнимые
Въ грезахъ моихъ...
Ночи тѣ знойныя, звуки нестройные
Пѣсенъ цикадъ
Въ сердцѣ вливаются, въ сердцѣ впиваются,
Манятъ назадъ, —
Въ даль невозвратную, въ сны ароматные
Прежнихъ минутъ...
... Въ сумерки мутныя образы смутные
Прежнее ткутъ...

* * *

Опустился синій вечеръ зимній,
Въ тихихъ грезахъ сумерки застыли, —
Я читаю солнечные гимны,
Пѣсни древней, вѣчно-яркой были...

Я забылъ въ сплетеньяхъ словъ жемчужныхъ
То, что ты такой далекой стала,
Отъ мечтаній праздныхъ и ненужныхъ,
Отъ борьбы душа моя устала...

Я не знаю, что насъ раздѣлило,
Что въ душѣ замолкло и уснуло,
Но мнѣ сладко помнить все, что было,
И видѣньемъ свѣтлымъ промелькнуло.

Вижу я въ твоихъ намекахъ странныхъ
Власть чужихъ, невѣдомыхъ вліяній,
Но мнѣ дорогъ сонъ мой несказанный,
Свѣтотѣнь былыхъ переживаній...

Ты ушла... Но солнечные гимны,
Какъ алмазы звѣздной, тонкой пыли,
Ткутъ изъ словъ мнѣ сказку яркой были
— Въ этотъ тихій, синій вечеръ зимній...

* * *

Я растрачу кладъ мой цѣнный —
Свѣтлой молодости жаръ,
Такъ, по прихоти мгновенной,
Изъ кубышки сокровенной
Бросивъ щедро цѣнный даръ.

Мнѣ не жалко! Кладъ хранимый
Слишкомъ бережно — не кладъ!
Перстни я отдамъ любимой
Съ самоцвѣтами въ прикладъ!

Буду пригоршнями мѣрить
Я сокровища мои,
Обманувшись, снова вѣрить
Буду въ радости любви...

Всѣхъ любимыхъ, всѣхъ, что встрѣчу
Средь дорогъ моихъ земныхъ, —
Легкимъ золотомъ отмѣчу,
Заключивъ въ пѣвучій стихъ...

А когда душа устало
Сложитъ крылья въ смѣнѣ дней, --
Я пойму: осталось мало
Самоцвѣтовъ и перстней...

Станетъ образъ Смерти чище
Въ сердцѣ гаснущемъ моемъ
И умру я, — вольный нищій,
Жизнь прожившій богачемъ!...

*
* *

Мнѣ казалось, что небо — изъ синей эмали,
Блѣдно-синей эмали съ зеленой каймой,
Что багряныя тучки на немъ умирали,
Исчезали и гасли въ тоскѣ неземной.

Мнѣ въ волнующихъ краскахъ заката казалось,
Что прощальное небо мнѣ хочетъ сказать
О неконченной пѣснѣ, что въ сердцѣ осталась,
Обо всемъ, что такъ больно теперь вспоминать...

Я боялся прочесть въ этихъ краскахъ тревожныхъ,
Въ этихъ нѣжно-багряныхъ слояхъ облаковъ
Всю ненужность мечтаній, теперь невозможныхъ,
Всю агонію тихихъ, вечернихъ часовъ...

Я смотрѣлъ, какъ на небѣ оттѣнки мѣнялись,
Какъ сливались цвѣта въ безконечной дали,
А печальныя мысли со мной оставались,
Оставались, какъ прежде, томили и жгли...

Мнѣ казалось, что небо — китайская ваза,
Блѣдно-синій съ зеленымъ оттѣнкомъ фарфоръ,
И что алыя тучки изъ легкаго газа
Умирали съ тоской за изгибами горъ...

СОНЕТЪ ЗВѢЗДНОЙ НОЧИ.

Ночную тишину и дальнихъ звѣздъ мерцанье,
И горькій запахъ травъ съ нескошенныхъ луговъ,
Я буду ощущать въ часы воспоминанья,
Въ печальные часы осеннихъ вечеровъ...

Любимая моя, въ минуту разставанья
Мы горестно поймемъ безсилье нашихъ словъ,
Безсилье выразить то звѣздное молчанье,
Тотъ недослышанный души беззвучный зовъ.

Любимая моя, я вспомню наши рѣчи
И звѣздъ разсѣянный, печально-нѣжный свѣтъ,
И съ пахнущихъ полей ласкающій привѣтъ, —

Но въ нихъ не буду я искать противорѣчій,
Пусть радость будетъ въ томъ, что оба мы любили,
Что несказанное въ рѣчахъ своихъ таили...

ИЗЪ КИТАЙСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Ли-Танъ-По (698—763 годъ)

Я съ пѣсней души своей къ людямъ пришелъ
— Они посмѣялись въ отвѣтъ,
И, взявъ свою лютню, я въ горы ушелъ,
Гдѣ боги и солнечный свѣтъ...

Я пѣсню имъ спѣлъ, что смѣшила людей,
И вѣтеръ, свиставшій затихъ,
И боги внимавшіе пѣснѣ моей,
Зарыдали въ кумирняхъ своихъ.

* * *

Пѣсни беззвучныя, пѣсни безстрастныя
Тихо, неслышно умрутъ,
Тихо погаснутъ напѣвы неясные,
Въ сердце ничье не войдутъ...

Васъ не услышатъ счастливо-безпечные,
Мимо съ улыбкой пройдутъ,
Что имъ напѣвы тоски безконечные?!...
... Ждутъ лишь веселыхъ минутъ...

Пѣсни и раньше пѣвались безцѣльныя,
Можетъ быть, снова споютъ?
Ихъ красота и печаль безпредѣльная –
Мертвыя... Ихъ не поймутъ...

Пѣсни печальныя, пѣсни беззвучныя,
— Васъ не спою никому,
Ваши напѣвы тоскливые, скучные —
Дороги мнѣ одному...

ЗАКЛЯТЫЙ ДАРЪ

(Посв. В. И. М.).

Твоя душа прочла пророчество
На колыбели дней моихъ,
Заклятый даръ мой — одиночество,
Печальный даръ волшебницъ злыхъ.

Мы всѣ во власти чаръ невидимыхъ
Не нами призванныхъ богинь,
Такъ часто тайно ненавидимыхъ,
И чтимыхъ пламеннѣй святынь.

Какъ всѣ, я принялъ легкомысленно
Съ дарами листъ судьбы моей,
Не разглядѣвъ, что въ немъ расчислены
Круги скитальческихъ путей.

Но ты постигла смыслъ пророчества,
И подошла ко мнѣ помочь
Заклятый даръ мой — одиночество
Вдвоемъ нести въ глухую ночь.